

ОТВОДНЫЕ КНИГИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ 1649—1711 гг. (Оружейная лексика)

Известно, что при историко-лексикологическом изучении слов по тематическим группам целесообразны поиски таких источников, в которых особенно богато был бы представлен интересующий исследователя пласт лексики. В частности, при обращении к истории названий оружия в русском языке к подобного рода памятникам следует отнести летописи, воинские повести Древней Руси, десятки и разрядные книги XVI—XVII вв.¹, рукописи XVII в. из Архива Московской Оружейной палаты (ЦГАДА, ф. 396), специальные книги XVII в.

¹³ Интересно отметить, что в современной научно-популярной литературе сохраняется тот же прием, когда иноязычные по происхождению термины "сопровождаются их общественными литературными эквивалентами" (см.: *Даниленко В. П.* Русская терминология. М., 1977. С. 48—49).

¹ Древнейшими из дошедших до нас разрядных книг являются 3 списка второй половины или конца XVI в. из ЦГАДА: 1) Колычевский список, ф. 181, № 114; 2) Мазуринский список, ф. 196, № 1529; 3) Список М. А. Оболенского, ф. 201, № 24. Имеются издания: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974; Разрядная книга 1550—1636 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина. Кн. I. М., 1975; Кн. II, вып. 1, 2. М., 1976; Разрядная книга 1475—1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич. Т. II, ч. I. М., 1981. О других рукописных книгах см.: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV—нач. XVIII вв. М., 1962.

по военному делу (например, "Устав ратных дел" 1607—1621 гг., "Воинский устав" Адама Вейде 1699 г. и др.).

Все эти виды источников за исключением руководств по военному делу являются гражданскими по своему содержанию. Исключительно важный в историко-стилистическом плане материал можно получить при сравнении употреблений оружейных терминов в памятниках народно-литературных, с одной стороны, и в текстах церковно-книжных — в Библии, Хронике Георгия Амартола и т.п., — с другой.

С течением времени у автора настоящей статьи возник вопрос: что могут дать для изучения истории русских названий оружия монастырские деловые записи не церковно-книжные по своему характеру? Можно было бы ожидать немало ценного от таких источников, так как монастыри в давние времена были нередко хорошо защищенными крепостями. Например, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри успешно боролись в Смутное время против польско-шведских интервентов и так и не были сданы неприятелю, и дело здесь, конечно, не в одном патриотизме и религиозной позиции монастырей, но и в высоком качестве их укреплённости, вооружённости, поскольку монастыри строились как форпосты для защиты от врага.

Весьма немногие виды монастырских деловых записей достаточно богаты оружейными терминами. Кое-что из названий оружия находим во вкладных книгах монастырей, например, в огромной Соловецкой вкладной книге XVI—XVII вв.²

Гораздо больше материала можно найти в описных монастырских книгах, например, Троице-Сергиевой лавры (копия книги хранится в ГБЛ)³ или в описных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, лишь частично опубликованных⁴, хотя раздел, содержащий сведения об оружии, занимает в таких книгах довольно скромное место.

Следует, однако, подчеркнуть, что были специально посвященные оружию монастырские записи, оформленные как отдельные книги, подобно переписным книгам Московской Оружейной палаты. Это книги Соловецкого монастыря, именуемые отводными, как правило, самими писцами и несколько таких же по жанру книг "Тихвинского монастыря"⁵. Нет необходимости преувеличивать значение этих небольших по объему тетрадей, содержащих не слишком подробные по характеру описания реалий, и все же, учитывая имеющиеся в них

² Архив ЛОИИ, колл. 2, № 152. 1034 л.

³ Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. / Рукопись, подготовлявшаяся к печати С.Н. Дурьиным, Ю.А. и М.Ю. Олсуфьевыми. 1919, 1922 гг. 4л+310 л. Машинопись.

⁴ Переписные книги Кирилло-Белозерского монастыря. ГПБ, Кир.—Бел. 71/1310. XVII в.; Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря, по описным книгам 1668 г. опубликовал П.И. Савваитов. // Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества. Т. I. СПб., 1851, Отдел III.

⁵ Эти последние хранятся в ЛОИИ, ф. 132, оп. 2, № 165, 1656—75 гг., и имеют общий заголовок "Книги переписные монастырской крепости и крепостного имущества", 24 л. См. еще Книги переписные монастырского оружия, составленные по случаю назначения нового городничего монаха Александра (ЛОИИ, ф. 132, Тихвинский монастырь, оп. 2, № 843, 1700 г. 4 л.).

тексты, мы составим более полное представление о древнерусских названиях оружия, поскольку получим в руки материал (слова и словосочетания), отсутствующий во всех других обследованных нами текстах. Пусть такого материала в этих отводных книгах не столь уж много — это ничуть не снижает их ценность, особенно если принять во внимание, что до сих пор эти "книги" никем не изучались⁶.

Отводные оружейные книги Соловецкого монастыря, являясь рестрамами монастырского оружия, составлялись при передаче оружия Соловецкой крепости из ведения одного старца в ведение другого, который, принимая от своего предшественника "ружничью казну", становился лицом, ответственным за ее сохранность. Такой характер этих памятников обуславливал реализм их языка и терминологическую точность сделанных в них записей, вследствие чего ценность этих записей еще более возрастает. Книги эти хранятся в ЦГАДА, ф. 1201 (Соловецкий монастырь), оп. 1, №№ 251, 353, 357, 359, 376, 470, 475, 476, 380 (1649—1697 гг.); 794, 201, 206, 796, 799, 817 (1708—1711 гг.) Каждая из этих "книг" невелика по объему — от 6 до 17 листов, в среднем 9,5 листов в четвертку, и книгами они названы самими составителями. По содержанию эти "книги" можно разделить на две группы: в одних из них описана артиллерия (№№ 353, 357, 359 — 1694—1696 гг.; № 206 — 1709 г.), в других — остальное оружие. Тексты отводных книг внутри каждой данной группы очень близки между собой; тем интереснее варьирование и тенденция к изменению употребления того или иного слова в текстах. Рассматривая не одну единственную отводную книгу, а целые группы их, мы можем наблюдать закономерности сравнительно более длительного употребления слова, чем в одном тексте.

"Книги" первой группы хронологически близки между собой. Главное название артиллерийского орудия в этих "книгах" — *пушка*, что представляет собой общерусское явление в области оружейной терминологии конца XVII в. поскольку со второй половины XVII в. из

⁶Мы не найдем даже упоминания о каких бы то ни было отводных книгах оружейной монастырской казны ни у И.У. Будовница в "Словаре русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII века" (М., 1969), ни в "Указателе источников" к "Словарю русского языка XI—XVII вв.", ни в "Сборнике документов, издаваемых архивными учреждениями СССР, 1917 — 1960 гг." М., 1961, не говоря уже о работах источниковедческого характера, опубликованных в XIX в., например, о книге Н. Обручева "Обзор рукописных и печатных источников, относящихся до истории военного искусства в России, по 1725 год". СПб., 1853 или о книге Д.П. Струкова "Архив русской артиллерии". Т. I (1700—1718 гг.) // Под ред. Н.Е. Бранденбурга. СПб., 1889, а также самого Н.Е. Бранденбурга — "Исторический каталог Артиллерийского музея" (СПб., 1877). Нет никаких сведений об этих источниках и у современных оружейников — специалистов по истории русского оружия в XI—XVII вв. А.Н. Кирпичникова (см., например: *Кирпичников А.Н.* Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия // Советская археология, 1957, № 3; *Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н.* Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVII веках // Материалы и исследования по археологии СССР, 77, 1958 и другие работы Кирпичникова), а также Л.И. Тарасюка (см., например, его "Русское ручное огнестрельное оружие XVI—XVII вв." Л., 1965) и др.

двух синонимов *пушка* и *пищаль*⁷, обозначавших артиллерийские орудия, которые практически мало чем различались, окончательно возобладало слово *пушка*. Уже в самой ранней из рассматриваемых четырех "книг" название артиллерийского орудия *пушка* встречается 36 раз, *пищаль* же — только однажды, да и то в традиционном начале книги, представляющем собой, по-видимому, старинную пережиточную формулу деловой письменности данного жанра: всакого оружья пушокъ мѣдныхъ и желѣзныхъ и сатинныхъ и скорострѣльныхъ и пищалеи ... № 353, л. 2.

Отметим, впрочем, еще употребление сущ. *пищаль* в составе словосочетания *затинная пищаль*, которое, однако, упоминается только в отводной книге 1709 г.

Из видовых обозначений пушек любопытен термин *хвостушка* (двѣ пышки желѣзныхъ хвостышки на вертлюгах. Там же, л. 3 об. и во всех остальных книгах), образованный с помощью суф. *-к-* (*a*) от встретившегося только 1 раз сущ. *хвостуха* (Пушка желѣзная дробовикъ дрягая желѣзная жъ хвостуха. № 206, л. 7, 1709 г.) и обозначающий, вероятно, пушку с большим винградом, т.е. хвостовиком у казенной части; ср. у Даля (изд. 4, т. IV, 547) слово *хвостовик* 'казенник, казенный винт с хвостом, в ружьях и пистолетах'.

Еще более интересно слово *дробовка*, мы определяем как 'небольшая пушка, предназначенная для стрельбы своеобразной картечью — так называемым дробосечным железом'. Это слово образовалось при помощи суф. *-к-* (*a*) на базе словосочетания *дробовая пушка*, подобно тому как *галанка* — на базе словосочетания *голландская* (писали обычно *галанская*) *пушка*.

Слово *дробовка*, очевидно, одинаково по своей семантике с сущ. *дробовикъ*, приводимым в этом значении в СлРЯ XI—XVII вв., вып. 4, М., 1977, 356, и употребляющимся наряду со словом *дробовка* в тех же самых отводных книгах: "пышка мѣдная дробовка" (№ 357, 1695 г., л. 3 и 6) и "дробовик желѣзною кородкою" (там же, л. 4 об.). В этой отводной книге слово *дробовка* встречается 2 раза, *дробовикъ* — 1 раз; то же самое — в отводных книгах № 359, 353. В отводной книге № 206 (1709 г.) *дробовка* встречается 4 раза в составе словосочетания *пушка дробовка*, причем 1 раз с написанием через *a*: *дробавка*; *дробовикъ* же — 2 раза (в обоих случаях в составе словосочетания *пушка дробовикъ*).

Таким образом, во всех этих книгах есть одна тенденция — более охотно употреблять слово *дробовка*, чем *дробовикъ*. В отличие от

⁷Слово *пищаль*, известное нашим современникам как название старинного ручного огнестрельного длинноствольного оружия, в XVI—XVII вв. было двузначным термином: оно обозначало также и артиллерийское орудие, нередко употребляясь вместо слова *пушка*. Подробно, с иллюстративным материалом, о синонимическом сближении и взаимозаменяемости в старорусских текстах слов *пушка* и *пищаль* как обозначений артиллерийского орудия см.: *Одинцов Г.Ф.* К истории русских военных терминов *пушка, тюфякъ, пищаль, винтовка* // *Этимология.* 1978. М., 1980. С. 123—127. Там же, на с. 119, показано, что двузначным было и старорусское слово *пушка*, употреблявшееся иногда в непривычном для наших современников значении 'ручное огнестрельное оружие'.

слова *дробовикъ*, сущ. *дробовка* до сих пор в русских исторических словарях не отмечалось. В текстах других памятников письменности оно нам не встретилось, кроме одного: "пышка желѣзная дробовка в станке" — в Переписной книге Сумского острога 1676 г., — острога, принадлежавшего тому же Соловецкому монастырю (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 75, л. 61). В Описной книге более близкого к Москве, чем Соловецкий, другого северного монастыря — Кирилло-Белозерского — мы встречаем уже только слово муж. рода *дробовикъ* "пищаль дробовикъ", 1668 г.⁸, хотя сущ. *пищаль* в этом словосочетании, скорее всего, жен. рода и тем самым как бы предрешает в случае возможности выбора из двух форм *дробовка* и *дробовикъ* остановиться на первой.

На месте сочетания *пушка дробовка* (и *дробовикъ*) в рассматриваемых книгах ни разу не употребляется слово *тюфякъ* 'пушка, предназначенная для стрельбы картечью, или, как тогда называли, "дробом", "дробосечным железом"', — термин, который был в русских текстах XVI—XVII вв. основным, наиболее распространенным названием пушки такого рода: в "Описной книге пушек, пищалей и военных снарядов во всех городах российских" (Москва. Первая половина XVII в. — ГПБ, Ф. IV. 75, 198 л.) при каждой описываемой пушке и пищали упомянуты ядра, которыми эти пушки заряжаются, а при каждом тюфяке — "дроб". Слово *тюфякъ*, судя по его фонетическому облику (начальное *тю-* и наличие в положении между гласными звука *ф*), не может считаться исконным в русском языке. Полагают, что это тюркизм, хотя ввиду наличия в нем того же звука *ф*, оно не исконно и в тюркских языках (др.-вост.-тюрк. *tüfäk*, тур. *tufenk* 'трубка, ружье, арбалет'; эти тюркские слова восходят, по Н.К. Дмитриеву, к иранскому источнику)⁹.

Тюркизмы же, как известно, были усвоены неравномерно русским народом на обширных территориях: их больше заимствовано на юге и востоке русских земель, меньше — на крайнем северо-западе.

Острова и южное побережье Белого моря, т.е. земли, подвластные в XVII в. Соловецкому монастырю, по-видимому, представляли собой те русские территории, на которых тюркское влияние было наименее значительным, и этим можно объяснить, что здесь вместо слова *тюфякъ*, вообще переставшего употребляться в русских текстах лишь после второго десятилетия XVIII в.¹⁰, фигурирует в отводных монастырских книгах словосочетание *пушка дробовка*, реже — слово *дробовикъ*, которое по форме муж. рода связано с термином *тюфякъ*.

Принимая все это во внимание, можно считать слово *дробовка* в словосочетании *пушка дробовка* (90-е годы XVII в.) соловецким диалектизмом. Это, конечно, не означает, что термин *тюфякъ* вообще не был известен на Соловках, — вероятно, здесь его не употребляли, по крайней мере в 90-е годы XVII в. и позднее.

⁸ Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря... С. 32.

⁹ Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря. // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. 3. С. 33.

¹⁰ Одинцов Г.Ф. К истории русских военных терминов... С. 132.

Подчеркнем, что диалектные древне- и старорусские названия оружия — явление редкое. Тем интереснее рассмотренное слово.

Некоторая обособленность Соловецкого монастыря от остальной части Московского государства действительно имела место. Не случайно сюда цари ссылали неугодных им людей, как позднее стали отправлять их в Сибирь. Другой факт, подтверждающий эту обособленность, связан с 7-летней осадой монастыря царскими войсками во главе с воеводой Мещериновым (1667—1674 гг.): монахи, как известно, не хотели принимать новопечатных книг и отстаивали "старую веру"¹¹.

В книге № 353, л. 3 (1694 г.) встретилось любопытное слово *ошитокъ*: "Три пѣшечки мѣдныя полковыя неболшия на вертлюгах. да пѣшка мѣдная ошиток немецкой неболшой в станке пѣшка мѣдная дробовка в станке же". В трех остальных книгах при описании тех же самых орудий *ошитокъ* уже не оговаривается, а просто сказано: четыре пѣшечки мѣдныя полковыя неболшия в станкахъ (№ 357, л. 3, 1695 г.). Однако при общем подсчете в конце каждой книги всех медных пушек, имевшихся в крепости, ошитки всегда упоминаются: и всего <...> пѣшекъ мѣдных болших малых и с ошитками .КД пѣшки (№ 359, л. 7 об. 1695—1696 г.).

Вероятно, со словом *ошитокъ* связывали определенный изъян у небольших медных пушек, впрочем, изъян не очень существенный, если при описании отдельных пушек считали необязательным отмечать его (в противоположность, например, тому, что *мѣдная пушка обломок* в текстах книг всегда упоминается); слово образовано от древнерусского глагола *ошити* 'обшить' и, по-видимому, указывало в данных текстах на небольшую пушку, имевшую трещину, возникшую от стрельбы и запаянную или заклепанную, словом, пушку, имевшую на месте трещины шов. Сравните упоминания рваных стволов мушкетов и пищалей. Само слово *ошитокъ*, правда, не в этом значении и контексте, приводится как И.И. Срезневским в его "Материалах..." без толкования, так и Г.Е. Кочиным в "Материалах для терминологического словаря Древней России" (М.; Л., 1937, с. 227) — в форме мн. числа — *ошитки* — и с толкованием 'пошлина с соляных варниц'. Как военный термин слово *ошитокъ* в русской исторической лексикографии не отмечалось.

Обратимся ко второй группе отводных книг, где описано всякое оружие, кроме артиллерийского.

Большую часть в них занимают описания огнестрельного оружия: встречаются такие названия, как *карабинъ*, *мушкетъ*, *пистоль*, *пистолеть*, *пищаль* (*ручная*), *самопаль* с вариантом *санапаль*, *турки* 'турецкие пищали'. Любопытны составные термины: *карабины* и *пистолеты* *большия* и *малые*, *пищали* *винтованные* и *невинтованные*, *затинные* *большия* и *малые*, *пищали* *турские* *долгомерные*, *завесное ружье* (№ 380, л. 3 об.), *самопалы* *двоезарядные* *гладкие* *долгие* и *короткие*, *самопалы* *однозарядные* (№ 251, л. 2; № 470, л. 2 об.; № 476, л. 2 об.—3), причем компоненты этих составных названий — при-

¹¹ Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. т. XXX². С. 784.

лагательные *двоезарядный* и *долгомерный* — в русской исторической лексикографии еще не отмечались. Отводные книги Соловецкого монастыря за период с 1649 по 1697 г. отражают переход от параллельного употребления в них синонимов *зелье* и *порох* в 1649 г. (№ 251: 2 раза встречается слово *зелье* и 8 раз — *порох*) к исключительному употреблению слова *порох* в остальных отводных книгах (1661—1697 гг.), уже не говоря о книгах первого десятилетия XVIII в. Отметим, что в некоторых других памятниках русской письменности синонимы *порох* и *зелье* в ту пору и даже в XVIII в. продолжали существовать, хотя более активным становилось слово *порох*.

Богато представлены в книгах и названия холодного оружия: *алебарда*, *бердышь двойной* (380, лл. 5, 6, 1697 г.), *кинжаль* (470, л. 5 об., 1661 г.), *кинжалец* и *кинжалец подсадашный* (380, л. 5), *копье долгое* (476, л. 5, 1662 г.), *лук* (380, л. 6), также *лук турецкий* (470, л. 3 об.), *ножь подсадашной* (380, л. 5), *ножикь булатный* (470, л. 3 об.), *ножи булатные* (380, л. 6), *палаш* (380, л. 5), *полусаблишко* (251, л. 4, 1694 г.); после записи "палашь стальной" зачеркнуто, но читается ясно), *протазань большой* (380, л. 6), *рогатины звериные* (380, л. 5), т.е. "предназначенные для охоты на зверя", *саадакь* (476, л. 4 об., 1662 г.), *сабли* (380, л. 6), *сабля большая турецкая* (476, л. 5), *самострѣлы* (380, л. 6), *стрѣлы луковые* и *самострѣльные* (796, л. 7), *томары* ("вид стрел") *самострѣльные* (380, л. 6), *хортъ* "небольшой меч, длинный нож; корд" (380, л. 5), *хортикь* (476, л. 5 об.), *шпаги* (380, л. 6).

Рассматриваемые отводные книги помогают уточнить некоторые вопросы истории слов *туль* и *колчань*. Установлено, что древний славянский термин *туль* "вместилище для стрел", потесненный с некоторых пор равнозначным ему тюркизмом *колчань*, который зафиксирован в русской письменности с 1588 г., в XVII в. продолжает употребляться, но все менее, чем *колчань*, и преимущественно в первой трети столетия, притом на Севере и Западе Московской Руси¹². Не случайно *туль* толкуется в азбуковниках XVII столетия как всякое нуждающееся в пояснении малоизвестное слово¹³.

В связи с этим достойно внимания, что в сочетании с прилагательным *самострѣльный* слово *туль* встречается в нескольких отводных книгах Соловецкого монастыря (это словосочетание, указывая

¹² Одицов Г.Ф. Из истории слов *туль*, *колчань*, *сайдакь* (и его вариантов) в русском языке // Этимология, 1973. М., 1975. С. 98. К данному моменту автором настоящей статьи обнаружены еще 3 старорусских контекста, содержащие слово *туль* и подтверждающие сделанные в указанной статье наблюдения об употреблении этого слова: Вкладная книга Коряжемского монастыря XVII в. ГБЛ, ф. 178 (Музейное собрание), № 4853/1, л. 240 об. (запись под 1617 г.); Описная книга Никольско-Корельского монастыря XVII в. ГБЛ, ф. 236 (А.Н. Попов), № 25, л. 20 об.; *Введенский А.А.* Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924. С. 45; "роспись" дворового имущества М.М. Строгонова, составленная "ростовского и ярославского митрополита сыном боярским Богданом Чихачевым да игуменом Велико-Устюжского монастыря старцем Ионой", 1627 г. При однократном употреблении термина *туль* "вместилище для стрел", слово *колчань* (с той же семантикой) в этом документе встречается трижды.

¹³ См.: Алфавит иностранных речей. Рукоп. БАН. Арх. д. № 446, л. 233; Книга, глаголемая алфавит. ЦГАДА, ф. 381, Рукописное собрание Синодальной типографии, № 404, л. 260 об. В обоих случаях *туль* поясняется словом *саадакь* (*саидакь*).

на определенное вместилище, в то же время вряд ли обозначает собственно 'колчан'): дватцеть четыре самострѣла целых десатеры храпы самострѣльные да тринацеть тулов самострѣльных да тысяща стрѣл самострѣльных (№ 492, л. 5 об., 1668 г.). То же — в следующих отводных книгах: № 251, л. 3 об., 1649 г.; № 470, л. 4, № 476, л. 5, 1662 г.

Однако в отводной книге № 380 (1697 г.) на этом же месте находим вместо слова *туль* сущ. *тулово*, а во всех более поздних отводных книгах (1708—1711 г.г., № 794, 201, 796, 799, 817) уже нет ни слова *туль*, ни сущ. *тулово*. Вместе с тем появляется, хотя и не в абсолютно равнозначном контексте, слово *кончань* 'колчан': семдесять три лука <...> тринацать одинь кончань со стрелами (№ 794, 1708 г., л. 5 об.).

Кончань вм. *колчань* с четким "н" выносным вряд ли можно расценивать как опisku. В отводной книге № 796 (1710 г.) слово *кончань* написано уже без выносных букв: тринацать одинь кончань со стрѣлами (л. 6 об.), написание через "н" — *кончан* — в том же самом контексте имеем и в книге № 799 (1710 г.), тогда как в самой поздней отводной книге № 817 (1711 г.), л. 56 сущ. *колчань* написано уже через "л". Конечно, появившийся в соловецких записях с 1708 г. графико-фонетический вариант *кончань* являлся в этой местности вторичным, судя уже по тому, что *колчань* зафиксировано здесь значительно раньше, а именно в Соловецких описных книгах 1676 г.: семь колчановъ с стрѣлами дватцат один самострѣл тринацат тулов самострѣльных¹⁴.

Неоднократное употребление в соловецких отводных книгах графико-фонетического варианта *кончань* 'колчан' дает в руки исследователей новый ценный материал для аргументации, направленной против толкования семантики старорусского слова *кончань* как названия якобы меча, кончара¹⁵.

Бросается в глаза более длительное в Соловецком монастыре, чем в Центре Московского государства, употребление слова *туль*, известного в деловых записях других северных русских монастырей XVII в. (см. прим. № 12).

Все это как будто говорит о более пестрой картине в области русской оружейной терминологии в XVII в., чем это может представиться на первый взгляд. И было бы, наверное, неправомерным расценивать это как результат якобы отставания крупных монастырей в вооружении. Лексические факты говорят против этого. Так, именно в отводных книгах Соловецкого монастыря мы обнаруживаем уменьшительное от слова *кинжаль* образование *кинжалець*, отсутствующее во всех других обследованных автором настоящей статьи, а также в отраженных в русской исторической лексикографии старорусских памятниках письменности XVI—XVII вв. и потому не попавшее в

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1201 (Соловецкий монастырь), оп. 1, № 555, л. 542—542 об.

¹⁵ См. аргументацию о неправомерности такого определения, данного Н.М. Карамзиным и повторенного И.П. Сахаровым, П.И. Савванитовым, В.И. Далем и И.И. Срезневским, в статье: *Одинцов Г.Ф.* Из истории тюркизмов в русской оружейной терминологии // Сов. тюркология, 1983, № 5, С. 24, — где еще не получил отражения неизвестный в ту пору автору статьи материал с отводных книг Соловецкого монастыря.

Словарь русского языка XI—XVII вв.; данный деминутив обнаружен уже после выхода в свет в 1980 г. 7-го выпуска названного словаря на букву "К": посох в нем кинжалець бѣс черена две шпаги <...> посохъ желѣзно ножь потсадашноу кинжалець потсадашноу в ножнах (№ 380, л. 5, 1697 г.).

В отводных книгах 1708—1711 гг. упоминается редкий оружейный термин *сулеба*, засвидетельствованный до сих пор лишь в двух памятниках письменности второй половины 80-х — начала 90-х гг. XVII в. — Описи имущества князей Голицыных (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 938, лл. 33—34 об. 1689—1690 гг.) и в Описной книге Московской оружейной палаты 1687 г. Таким образом, термин *сулеба* имел более длительную историю, чем это представлялось нам до сих пор. Любопытно, что это слово употреблено в рассматриваемых нами книгах сразу же после упоминания шпаг и перед "хортиком" (ср. соврем. *кортик*): восмнатцать шпагъ в ножнахъ да шпага у слуги Родиона Кириллова, сълеба в ножнахъ хортикъ в ножнахъ (№ 817, л. 5 об., 1711). В двух других названных памятниках (московских) *сулебы* описаны после "кончаров" и перед шпагами. Очевидно, *сулеба* была холодным оружием колющего типа.

Терминов, обозначающих так называемое оборонительное оружие, в книгах сравнительно немного, но и в их составе нетрудно заметить вполне определенную динамику развития. Например, только в трех ранних отводных книгах (№ 470, 475, 476, л. 2 об. 1661—1662 гг.) упоминается термин *щить*, притом однократно и в форме единственного числа. И хотя слово *щить* (воинский) не утрачено до сих пор, оно все же постепенно превратилось в историзм. Составной термин *шапка мисюрка* 'род шлема с железной верхушкой и сеткой', встречающийся в отводных книгах 1697—1711 гг. (№ 380, л. 3; № 794, л. 3; № 201, л. 2; № 796, л. 3 об.; № 799, л. 3; № 817, л. 3), заменил семантически тождественный ему термин *шапка мисюрская*, имеющийся в том же самом контексте, но лишь в более ранних отводных книгах 1661—1668 гг. (№ 470, 475, 476, 492; во всех книгах — л. 2 об.).

Слово *пансырь*, встречающееся в книгах 1661—1697 гг. (№ 470, л. 2 об.; № 476, л. 2 об.; № 492, л. 2 об.; № 380, л. 2), заменяется в книгах 1708—1711 гг. в тех же контекстах словосочетанием *кольчужная рубашка* (№ 794, л. 3; № 201, л. 2; № 796, л. 3; № 799, л. 3; № 817, л. 3), что дает возможность судить достаточно определенно не только о том, с каких пор слово *пансырь* перестает здесь употребляться, но и о лексическом значении этого термина. Примеры: одинатцать пансырей в нихъ одинъ ветхъ в томъ числѣ три пансыря бѣз ошеениковъ (№ 380, 1697 г., л. 2); одиннатцать рубашекъ колючжныя в том числѣ одна ветхаа да три без ошеениковъ (№ 796, 1710 г., л. 3—3 об.).

Таким образом, обращение к отводным книгам Соловецкого монастыря помогает уточнить некоторые вопросы истории русской лексики.